

ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

© 1993 г., ЭО, № 1

А. А. Сирина

**ВЫДАЮЩИЙСЯ ЭТНОГРАФ И ФОЛЬКЛОРИСТ
Г. С. ВИНОГРАДОВ (1887—1945)**

Среди ученых минувшего времени выделяется фигура профессора, доктора филологических наук Георгия Семеновича Виноградова, которого называют, и не без оснований, то фольклористом, то этнографом, то диалектологом, то литературоведом, то народоведом («...выдающийся специалист по фольклору, большой знаток русского народного быта и русских крестьянских говоров...») ¹, признают и его талант педагога ².

Научное наследие Г. С. Виноградова насчитывает более 70 работ ³ — это монографии, статьи, комментарии, заметки, опубликованные в различных научных, популярных и справочных изданиях. Темы, за которые брался ученый, стремясь проникнуть в тайники «народной души», были сложны, малоизученны, требовали глубокой теоретической подготовки и интенсивного сбора полевых материалов. Г. С. Виноградов работал над такими проблемами, как народная философия (взгляды, представления, верования народа по важнейшим вопросам бытия), народная медицина, народный календарь, этнография детства (как предмет научного изучения впервые поставлена именно Г. С. Виноградовым), фольклор и языковое творчество, история науки.

Долгое время его вклад в историю науки оставался неоцененным и, более того, даже в полной мере неизвестным ⁴, и лишь с 1987 г. (год 100-летия со дня рождения Г. С. Виноградова) рядом научных и культурно-просветительских организаций начали проводиться Всесоюзные Виноградовские чтения, собирающие известных ученых — лингвистов, фольклористов, этнографов, диалектологов, психологов, педагогов. Все они признают огромный вклад Г. С. Виноградова в разные отрасли знаний о человеке. Это и дань памяти выдающемуся ученому нашего времени ⁴.

Сам Георгий Семенович Виноградов считал себя этнографом. Объектом его исследовательского интереса было русское старожильческое население Сибири, из среды которого он вышел. «Он был из числа тех, кои ни знатным происхождением, ни фортуны благоденствием не предпочтены, но сами собою, своими трудами, произошли в люди, кои сами достойны называться начальниками своего благополучия и кои ничего не заимствуют от своих предшественников» ⁵. Эти слова акад. Ф. Ф. Миллера о С. П. Крашенинникове с полным правом можно отнести и к Г. С. Виноградову.

Георгий Семенович Виноградов родился в уездном сибирском городе Тулуне Иркутской губернии в бедной крестьянской семье, глава которой, как и многие мужчины в притрактовых деревнях, занимался извозом (ямщицеством). Отца подолгу не было дома, и все заботы о воспитании лежали на плечах матери, Елены Алексеевны Виноградовой. Это была умная, самобытная женщина, хорошо знавшая жизнь и старинные обычаи. Именно от матери, по воспоминаниям самого Г. С. Виноградова, он унаследовал поэтические наклонности ⁶. В детстве

* Список научных работ ученого приводится в конце статьи.

** М. Н. Мельников, автор книги «Русский детский фольклор» (1970 г.), говорит о «недостаточной известности ценных трудов Г. С. Виноградова» (с. 217); об этом же говорили Д. Сизых и А. Астахова; см. также: *Кон И. С. Ребенок и общество*. М., 1985.

зародилось у мальчика тонкое чувство родного языка, понимание народной речи с ее диалектическими сибирскими особенностями, возник интерес к жизни и быту простого народа. Со слов матери он записал и опубликовал со своими комментариями сибирские протяжные песни. Это была одна из первых его серьезных работ⁷.

Семья жила бедно, мальчику с 11 лет пришлось работать: он переписывал роли и ноты в общественном собрании Тулуна. Сильную тягу мальчика к учебе заметили представители местной интеллигенции: учитель и священник. Они рекомендовали его для поступления в Иркутскую духовную семинарию, где он учится в течение 4 лет. И хотя семинарию Г. С. Виноградову закончить не удалось — за сочувствие рабочему движению начала века его исключают из семинарии и на несколько месяцев заключают в Иркутскую тюрьму⁸ (по-видимому, в это время он симпатизировал марксизму, но позже отошел от него, как и многие интеллигенты того времени⁹) — эти годы не прошли для молодого человека бесследно.

В 1911 г. Г. С. Виноградов приезжает в Петербург, где стремится продолжить образование на Высших педагогических курсах им. П. Ф. Лесгафта, занимается самообразованием, бесплатно преподает в вечерней школе. В Петербурге он занимается изучением как естественных, так и гуманитарных наук, обращается к философии. Здесь он слушает лекции таких известных этнографов-сибиреведов, как В. И. Иохельсон, А. А. Макаренко, Л. Я. Штернберг.

К этому времени в отечественной этнографии оформились и существовали два основных направления: сравнительное изучение «чужих», главным образом внеевропейских народов и родиноведческое изучение своего народа (эта задача была поставлена Н. И. Надеждиным в 1846 г.).

«Классическая» этнография, с которой связывают само появление этнографии как науки, была вызвана к жизни как практической необходимостью общения, так и субъективными причинами: психология человека везде одинакова, привлекают к себе внимание, описываются, прежде всего, непохожие, чуждые и отличные от собственной культуры явления. Мощное развитие националистической идеи в начале XIX в., ряд других причин обратили внимание мыслящих людей на изучение своего собственного народа. Отсюда родиноведение, собирание памятников поэтического народного творчества, особенно в славянских и немецких землях¹⁰. Теснейшая связь родиноведческой этнографии с собственно фольклорными исследованиями всегда была и остается ее специфической чертой. В то же время нужно заметить, что в Сибири родиноведческие исследования имели свои особенности. Здесь они начались довольно поздно; даже в конце XIX — начале XX в. «русско-сибирская ветвь славянства пользуется вниманием сравнительно немногих исследователей»¹¹. В то время как в России уже была поставлена задача изучения русского народа, продолжался сбор ценных фольклорно-этнографических материалов, в Сибири «русские этнографы и бытописатели занимаются преимущественно наблюдением и изучением туземного населения»¹². Имена многих ученых вошли в историю русской и мировой этнографии благодаря работам, описывающим сибирских «инородцев».

Хотя в целом ко второй половине XIX в. Сибирь еще во многом представляла для этнографов и фольклористов «terra incognita», но русским ученым П. А. Ровинским уже была поставлена задача выяснения «судеб русско-славянского племени в Сибири». Серьезно занимавшийся этнографией и фольклористикой южных славян, он приехал в Сибирь, чтобы проследить эволюцию их культурного типа на границах расселения с теми народами, в отношении которых, по его мысли, славянский тип сам выступил «цивилизующим» элементом¹³. Однако на этот вопрос существовали разные, порой прямо противоположные точки зрения. Так, если П. А. Ровинский предполагал специально исследовать возникающие на сибирской почве культурные особенности русских старожилов, то А. П. Щапов, сам уроженец Сибири, считал, что в Сибири русский тип вообще не только не создал ничего нового, но и деградировал как в антропо-

логическом, так и в культурно-бытовом отношении. М. К. Азадовский же считал, что исследователи уделяли мало внимания русским в Сибири¹⁴. Постепенное накопление материалов и их анализ в целом привели к опровержению мнения А. П. Шапова, хотя ученые нашего времени и признают определенные основания для подобных высказываний¹⁵.

В целом же вопрос, поставленный П. А. Ровинским, не мог тогда быть решен, так как для анализа и объективных научных выводов материалов не хватало. Но на основе уже имеющихся исследователи поставили проблему социальной, хозяйственной, духовной адаптации русского населения в Сибири. В этом и состояла их заслуга.

Во время учебы Г. С. Виноградова в Петербурге общественная жизнь бурлила, возникли различные общества и кружки, не утихал спор между «западниками» и «славянофилами» о путях развития России, появлялись статьи и многотомные труды по истории русской этнографии и фольклору, которые использовались в поддержку либо в опровержение тех или иных идей, для различных построений представителями общественных течений. Все это в свою очередь не могло не оказывать влияния на характер, интенсивность, тематику собираемого этнографического материала.

Обращение Г. С. Виноградова к философии было вызвано не только стремлением отыскать ответы на беспокоящие в той или иной степени каждого человека вечные вопросы о смысле человеческой жизни, назначении человека в мире, соотношении жизни и идеала. В это время в его мировоззрении происходил перелом, вызванный, по-видимому, глубоким духовным кризисом. Понимая всю ограниченность попыток объяснить мир и человека только с точки зрения материализма, он посещает лекции известного русского философа-идеалиста, профессора Петербургского университета Николая Онуфриевича Лосского, проповедовавшего интуитивно-целостное проникновение в бытие, утверждавшего, что всякое познание есть видение самой живой действительности. Постоянно размышляя над философскими вопросами, Г. С. Виноградов приходит к выводу, что существует и народная философия, народные философские воззрения. Он относил к философии все, что ведет к обоснованию, построению и углублению мирозерцания¹⁶. А поскольку существует народная философия, закономерно возник вопрос об изучении основных элементов, ее составляющих: проблем жизни и смерти, смысла жизни, назначения человека в мире, воспитания нового поколения... По-видимому, именно в то время сформировался у Г. С. Виноградова особый подход к исследованию народной жизни и быта как целостного и неделимого феномена.

Г. С. Виноградов начинал в Петербурге как ученик А. А. Макаренко, и выбор темы работы, которая впоследствии была отмечена серебряной медалью Русского географического общества, произошел с «благословения» А. А. Макаренко, при пользовании его программой по народной медицине, тогда еще не опубликованной. Получив советы и указания А. А. Макаренко, 26-летний Г. С. Виноградов уезжает из Петербурга в с. Коркино Енисейской губернии (недалеко от Красноярска), где, работая учителем, собирает этнографические материалы. Здесь он начал собирать гербарий лекарственных трав, который дополнил в Иркутской губернии.

«В Сибири этнографическое изучение народной медицины не вышло из стадии накопления материалов и попыток их классификации», — отмечал сам Г. С. Виноградов¹⁷. Тема самоврачевания (или народной медицины) относилась автором к народному мировоззрению. Особенности русской народной медицины проявлялись в ее теснейшей связи с фольклором, биологическими знаниями, общей культурой, психологией народа. Помимо чисто научного, эта тема представляла интерес и с практической точки зрения. Однако имевшиеся по данной теме работы, написанные по сибирским материалам, были неравнозначны, и чаще всего представляли публикации полевых материалов авторов без каких-либо комментариев. Полевые исследования в области народной медицины велись в

основном в Енисейской губернии (работы И. Чеканинского, Д. Клеменца, М. Красноженовой, А. Макаренко и др.).

Работа Г. С. Виноградова «Самоврачевание и скотолечение у русского старожилото населения Восточной Сибири» вышла в центральном издании РГО — журнале «Живая старина» и сразу привлекла к себе внимание специалистов. В этой работе впервые вводились в научный оборот неизвестные ранее ценные полевые материалы, составившие основу исследования, давалась их классификация, анализ, а также делались некоторые выводы. Так, практически до этого мало кто уделял внимание сибирской ветеринарии, которой автор посвятил отдельную главу труда. Работа привлекала стилем изложения научного материала: использовать ее может и диалектолог, и фольклорист, так как ученый ввел в ткань научного повествования живую, образную народную речь.

Одним из лучших собраний по народной медицине начала XX в. считала работу Г. С. Виноградова А. Астахова¹⁸.

В 1915—17 гг. Г. С. Виноградов работал преподавателем русского языка и литературы, сначала в частной женской гимназии в Чите, затем — в Высшем начальном училище с. Тулун Иркутской губернии¹⁹.

Наиболее плодотворный период как в научном творчестве Г. С. Виноградова, так и в его педагогической работе был связан, на наш взгляд, с Иркутским университетом и Восточно-Сибирским Отделом РГО.

В 1918 г. в Иркутске открылся университет. Формально не имея высшего образования и стремясь получить его, Г. С. Виноградов в 1918 г. поступает на заочное отделение историко-филологического факультета «студентом неопределенного курса»²⁰. В 1920 г. он окончил университет, выдержал магистерский экзамен и был оставлен стипендиатом для подготовки к профессорской деятельности. Одновременно с учебой, в 1920—21 гг., Г. С. Виноградов работал заведующим русским отделом в Иркутском музее народоведения. В 1925 г. Г. С. Виноградову было присвоено звание профессора Иркутского университета и он стал руководить кафедрой русской этнографии: «Иркутский университет является единственным университетом, где имеется кафедра русской этнографии», — отмечал в 1926 г. М. К. Азадовский²¹. Г. С. Виноградов читал лекции и вел семинары («практикумы»): введение в русскую этнологию; этнография русского населения Сибири; русская народная словесность (в связи с изучением языкового народного творчества); введение в историю русской литературы. Вместе с Г. С. Виноградовым на кафедре преподавали М. К. Азадовский, В. А. Малаховский, П. Я. Черных.

К началу 1920-х годов в Иркутском университете работали интересные ученые разных этнографических научных школ и направлений. Первое из них, классически эволюционистское, представлял проф. Б. Э. Петри, ученик Л. Я. Штернберга, выпускник Петербургского университета. В университете он возглавлял кафедру истории первобытной культуры, специализируясь в области традиционной сибирской этнографии; интересовался проблемой происхождения сибирских народов и в целом проблемой заселения Сибири. Для решения этих вопросов он широко использовал данные археологии и антропологии. Второе, родиеведческое, направление было представлено профессорами М. К. Азадовским и Г. С. Виноградовым. У всех этих ученых были и свои ученики. Если Б. Э. Петри, скажем, не искал «мостов», соединяющих эти две ветви этнографии, будучи чистым этнологом, а М. К. Азадовский, напротив, стремился к фольклорному, литературоведческому изучению, то Г. С. Виноградов, отталкиваясь от поставленной сложной задачи изучения судеб русского народа в Сибири, объективно пришел к синтезу обоих направлений.

В 1925 г. Г. С. Виноградов выступил на I Восточно-Сибирском краеведческом съезде с докладом «Русское население края и его изучение». Он подчеркнул разнообразный этнический состав населения Сибири, разновременность ее заселения различными группами русского народа, что наложило определенный отпечаток на особенности культуры русских в этом регионе. Изучение отличии-

тельных особенностей сибиряков по отдельным районам — одна из задач, которую хотел решить ученый. Продолжением и развитием этой мысли является работа М. Н. Мельникова «Региональное своеобразие фольклора сибиряков»²². Предполагалось уделить более пристальное внимание их духовным воззрениям, а также элементам жизнеобеспечения (пища, одежда, технические навыки и т. д.), на которых мало останавливались прежние исследователи.

Другая задача состояла в изучении сибирского фольклора, причем основное внимание рекомендовалось обратить на изучение современного устного народного творчества «в связи с изучением отражений в фольклоре событий последних и недавних лет»²³. В научных разработках того времени детский фольклор, детская этнография, а также собранные материалы по русско-сибирским говорам рассматривались в едином русле.

Для решения этих задач делалось очень многое. Об этом говорят публикации М. К. Азадовского, Г. С. Виноградова, М. В. Муратова, А. В. Поповой, Е. И. Титова, Н. Удимовой, П. Я. Черных и других исследователей русской культуры в Сибири на страницах местных журналов и сборников: «Сибирская живая старина», «Труды профессоров и преподавателей Иркутского университета», «Этнографический бюллетень ВСОРГО» и др.

Особенно интересно и важно то, что, понимая особенности колонизации Сибири, проживание на ее территории многих народов, имеющих разное происхождение и историю, некоторые исследователи (в их числе первым нужно назвать Г. С. Виноградова) изучали процессы культурных взаимовлияний, их характер и степень. В отчете об экспедиционной поездке в Енисейскую и Акмолинскую губернии (1924 г.) Г. С. Виноградов писал: «Дома, избы, надворные постройки в степи, взаимоотношения русских и киргиз, русских и татар, время поселения русских, первые насельники, — словом, все, что давало материал для моей основной работы о судьбах славянского племени в Сибири, было предметом внимания»²⁴. М. К. Азадовский отмечал в 1926 г.: «...проблема культурного взаимовлияния русских и туземных племен... разрабатывается Г. С. Виноградовым, продолжающим с этой стороны дело Ровинского и Щапова, и некоторыми молодыми исследователями, по преимуществу, его же учениками»²⁵. Среди учеников Г. С. Виноградова были Н. Удимова, А. Попова, Е. Титов, О. Блюменфельд, Д. Сизых и многие другие.

Самобытный и оригинальный ученый, Г. С. Виноградов был еще и замечательным педагогом — сочетание довольно редкое, а оттого и более ценное. Он обладал умением ясно и доходчиво объяснить молодым слушателям сложные проблемы науки, заинтересовать их работой, помогал в выборе научных тем, маршрутов экспедиций, публикации научных работ²⁶. Вот как вспоминали профессора его бывшие ученики: «Мы, студенты, ... очень любили Георгия Семёновича, его преподавание в университете такое было интересное, такое увлекательное и глубокомысленное, что и внутренняя тяга была к нему неудержимая. Был он прост, очень шутлив, но шутка с тонкой иронией... Его беседы заставляли думать, освежали мысль»²⁷. Педагогический талант Г. С. Виноградова проявлялся не только в лекциях, семинарах, прямом общении со студентами, но также и в разработке специальной методической литературы — различных программ, инструкций, руководств, дающих ценные советы и рекомендации полевым этнографам в сборе материала; учителям в деле воспитания детей.

Отношение к этнографии было у Г. С. Виноградова своеобразным. Он называл этнографию наукой «чуждой», «живой» и считал, что изучение гуманитарных наук невозможно без знания этнографии, рекомендуя ее в качестве обязательного предмета для преподавания уже в школе: «Помимо чисто научного интереса, помимо живого и доступного содержания, этнография обладает важным образовательным значением. Ни одна наука не знакомит нас в такой мере со стремлением человека к совершенству, с его духовным возвышением, как этнография»²⁸. Фольклор Г. С. Виноградов считал необходимой составной частью этнографии: язык в отрыве от его носителя, от среды бытования не интересовал

ученого. В одном из писем он замечал: «У этнографа — сказка. Разве сказка может высушить? У этнографа — былина. Разве былина мертва? У этнографа — песни. Разве в песне — не жизнь? У этнографа — обряд. Разве обряд — не отражение живой веры?... Это — единственная наука, которая входит в сокровенные тайники народной души»²⁹. Постигание «народной души»³⁰, попытка понять самый «дух» народа, исследование народной жизни во всех многообразных формах ее проявления, которые не укладываются в узкие рамки отдельных наук, — вот главная, по мысли Г. С. Виноградова, задача этнографа. Ощущая жизнь как вечное течение, т. е. рассматривая ее диалектически, ученый считал, что исследовать ее нужно в динамике, развитии, диалектическим методом, соответственно признавая в необходимые моменты в этнографии «пересмотр и задач, и объема, и — в особенности — методов работы»²⁹.

Г. С. Виноградов считал «деление» культуры народа на материальную и духовную «промахом» этнографов³⁰. Сам он подходил к ее изучению как целостного и неделимого, взаимосвязанного феномена, где, возможно, наиболее трудной задачей было понять механизм, логику внутренних связей, благодаря которым культура и существует как таковая.

Размышления над теоретическими проблемами науки, над методами работы в послереволюционный период приводят ученого к написанию небольшой по объему, но очень ценной, можно сказать, программной работы «Этнография и современность». В ней Г. С. Виноградов подчеркивал мысль об усилении этнографических наблюдений над народной жизнью, поскольку именно в такие моменты «душа» народа проявляется наиболее сильно, что выражается прежде всего в его языке и устном народном творчестве. Поэтому главным в то время ученый считал сбор исчезающих, а также фиксацию новых явлений в культуре народа, вызванных революцией, гражданской войной... В такие дни, по мысли Г. С. Виноградова, становится более доступной пониманию история, эволюция этнографических явлений. Поэтическое сравнение жизни с течением реки, ее берегов — с прошлым и настоящим, размышления над природой человека, по сути остающейся неизменной со времен Христа («... и люди — всегда только люди, с их желаниями, с их формами мышления, способами отзываться на совершающееся вокруг...»)³¹, приводит ученого к мысли, что процессы и события, оставшиеся на «том берегу», иногда можно понять, если «попасть в условия, при которых можно видеть эти процессы происходящими перед глазами»³². Высокую оценку статье дал академик С. Ф. Ольденбург: «Статья живая, интересная и полная ценных замечаний»³³. Переиздавая ее спустя 70 лет, редакция делает очень нужное дело, давая возможность читателям познакомиться с немногочисленным в отечественной этнографии теоретическим наследием первых послереволюционных лет.

Параллельно с работой в Иркутском университете Г. С. Виноградов состоит действительным членом ВСОРГО и работает в его этнологической секции, организованной в 1922 г. С 1917 по 1921 гг. в деятельности ВСОРГО произошел вынужденный перерыв, за время которого состав его членов почти полностью обновился. В 1923 г. этнологическая секция ВСОРГО насчитывает 25 членов. Первым председателем этнологической секции был Б. Э. Петри, затем (с 1924 г.) — М. К. Азадовский. Основными задачами секции были библиографическая работа (подведение итогов проведенных исследований); опубликование программ-инструкций в связи с широким развитием краеведения; экспедиционные поездки для сбора этнографических материалов. В 1922 г. Отдел выпустил четыре номера «Этнографического бюллетеня». Тематика статей касалась как привычных, но малоизученных тем, так и новых, связанных с влиянием современности³⁴.

Г. С. Виноградов выезжал в экспедиции от ВСОРГО: в Тулунский уезд; к русским р. Оки; в Тункинский район Бурятии; в Енисейскую и Акмолинскую

²⁹ Из личного архива В. В. Комина (Иркутск).

³⁰ Понятие, к которому в 1920-е годы обращалась и оперировала им этническая психология (см. Шпет Г. Г. Введение в этническую психологию // Сочинения. М., 1989. С. 475—574).

губернии; на р. Чуну. Ученый считал себя и в действительности был прежде всего полевым этнографом, по крайней мере до того, пока серьезная болезнь не ограничила его передвижения. Огромное значение во всех его работах имели этнографические факты, которые он тщательно собирал, используя методы длительного (стационарного, включенного) наблюдения, опроса, работу по программам. Собранные материалы тщательно проверялись и перепроверялись: «...этнограф отвечает своим именем за каждый новый факт, который его посредством попадает в научный оборот», — эти слова особо выделены в одной из его программ³⁵. Как собиратель он имел удивительные способности, не уставая «учиться у великих путешественников», какими он считал Н. Н. Миклухо-Маклая, Г. Н. Потанина. Ученый советовал начинающим этнографам: «... очень важно умело подойти к населению... самый верный и надежный путь изберет к этому этнограф, который видит в исследуемой группе населения таких же людей, как он сам, и сумеет подойти ко всякому, как человек к человеку»³⁶. Г. С. Виноградов советовал также привлекать к опросу не только взрослых, но и детей, поскольку «...от них иногда можно получить такие сведения, которые от взрослых получить очень трудно»³⁷. Во многом успех собирательской работы определяла личность Г. С. Виноградова, его человеческие качества: скромность, наблюдательность, умение слушать и слышать, сочувствовать чужим радости и горю. Он был убежден (и ссылался на успех Г. Н. Потанина), что этнограф должен не только брать, как это чаще всего делается, но и отдавать, делиться своими знаниями, опытом. От постановки, обоснования проблемы к сбору фактов, не раз перепроверяющихся, к их анализу и теоретическим выводам, — вот путь, которым двигался ученый.

Сначала Г. С. Виноградов являлся своеобразным продолжателем исследований А. А. Макаренко. На первый взгляд как будто повторением его работ (но на собственных полевых материалах) была работа Г. С. Виноградова «Сибирский народный календарь...». Однако так могло бы показаться только на первый взгляд. Г. С. Виноградов избрал свой особый путь в науке, у него было свое собственное видение проблем и тем, которые он исследовал вслед за А. А. Макаренко. Главным было то, что Г. С. Виноградов поставил новые научные темы, обосновал их и работал над ними. Так, например, в процессе работы над народным календарным циклом Г. С. Виноградов заметил, что возможно и даже необходимо выделить в качестве самостоятельной темы исследования — детский народный календарь: «...составление его не представляет невозможной задачи»³⁸. Его работа в области детского народного календаря существенно дополняла сибирский народный календарь, впервые рассматривая одну из возрастных групп русских сибиряков особо. Она явилась важным шагом к обоснованию нового направления в фольклористике и этнографии — детского³⁹.

В глубоком знакомстве с сибирской жизнью и бытом, с духовными воззрениями русских сибиряков убеждает работа Г. С. Виноградова «Смерть и загробная жизнь в воззрениях русского населения Сибири», написанная в основном на полевых материалах автора, собранных в Тулунском уезде Иркутской губернии.

Русский философ И. А. Ильин в 1920-х гг. утверждал, что систематический духовный опыт, который является основанием философии, принадлежит не только ученым: «...философия, в ее первоначальной, опытной стадии, разлита в душах всего народа»⁴⁰. Проблема смерти и бессмертия в философии, как и в самой жизни, — сложная проблема, в большой степени относящаяся к мифологии, вероучению.

Задумывались над этими вопросами и лучшие народные умы. Однако как в философии, так и в этнографии эта тема оставалась практически неразработанной*. Специально никто не пробовал разобраться в теме философских народных

* В этом отношении русская литература всегда шла впереди гуманитарных наук. В частности, на сибирском, этнографическом по своему характеру материале была поставлена проблема смысла жизни и смерти и сделана попытка ее решения художественными средствами В. Г. Распутиным в его повести «Последний срок».

воззрений на сибирском материале, имевшем свои особенности; даже полноценного описания похоронных обрядов никем не было сделано. Историографический анализ работ предшественников занимает у Г. С. Виноградова едва ли более одной страницы⁴¹.

В основе работы Г. С. Виноградова «Смерть и загробная жизнь в воззрениях русского старожилого населения Восточной Сибири» лежали многолетние наблюдения над крестьянской жизнью (включая детские воспоминания), взрослые раздумья философа, этнографа, психолога: «Русский народ, право, не так уж боится смерти. Он придает огромное значение самому процессу смерти. Ему нужно, чтобы она совершалась с торжественностью, соответствующей важности момента, ему нужно, чтоб его отпели, проводили, попрощались с ним перед могилой... Только в этих условиях он чувствует себя готовым в безвестный путь и отправляется в него с тем стоическим спокойствием, которое отметили наши лучшие писатели»⁴².

Возрастающий в настоящее время интерес к этой проблеме указывает на то, что она имеет не только научное, но и большое нравственное, мировоззренческое, а значит, и практическое значение. Задача, которую поставил перед собой Г. С. Виноградов, — «дать в связной форме возможно более подробное описание похоронных обрядов и связанных с ними воззрений»⁴³ — была им блестяще выполнена. В книге получили освещение такие вопросы, как формы символично-мифологического изображения смерти, предвестники, причины смерти, ее предугадывание, возможность противодействия и отсрочки смерти, приготовление к ней; вынос и погребение; образы загробного мира; душа; поминки; взаимоотношения мертвых и живых; сибирское кладбище и типы надмогильных сооружений.

Эта работа не только описание погребально-поминальной обрядности русского старожильского населения Восточной Сибири, а одна из первых попыток классифицировать имеющийся в распоряжении автора материал (по самой своей природе трудно поддающийся классификации) и таким образом выяснить ряд вопросов, связанных с исследованием особенностей русской культуры в Сибири. Материалы, представленные автором, свидетельствуют о том, что в целом в погребально-поминальной обрядности у русских сибиряков сохранилась христианская основа; в то же время дохристианские верования народа на сибирской почве «оживились», возможно, не в последнюю очередь в результате общения с аборигенным населением.

Для современных исследователей работа Г. С. Виноградова представляет исключительный интерес еще и потому, что, основываясь на ней, можно провести сравнительный анализ духовных воззрений, их эволюции; обратить внимание на те элементы погребально-поминальной обрядности, которые оказались наиболее устойчивыми в изменившихся условиях.

Ученому удалось проникнуть в одну из наиболее «интимных» областей народной жизни, вскрыть интереснейший пласт народного мироощущения, как бы проникнуть в душу народа. Он выступил и как этнограф, и как фольклорист, и как диалектолог, и как психолог, поднимаясь до философского осмысления явлений народной жизни.

Особое место занимала в творчестве Георгия Семеновича Виноградова тема детства. В отечественной этнографии имя этого исследователя и связывается в основном именно с этнографией детства. Хотелось бы особо отметить приоритет ученого в этой области, хотя вопрос о приоритетах всегда спорен и неблагодарен. Однако анализ имеющейся литературы и в особенности научных трудов ученого со всей очевидностью свидетельствует, что первым, кто определил объем и содержание понятия «детская этнография», ввел в жизнь как рабочий сам термин «детская этнография» (который по существу принят современными исследователями), первым, кто не только выделил этнографию детства в качестве специального объекта научного изучения, не только сформулировал отвлеченно, но разрабатывал на практике эту проблематику, а также закономерно подошел к определению в качестве объекта изучения такой темы, как народная педагогика, был Георгий Семенович Виноградов⁴⁴.

Сейчас трудно сказать, каким образом пришел Г. С. Виноградов к постановке темы детства. Возможно, имели значение хорошо сохранившиеся детские воспоминания, которые обычно «бесследно тонут в море жизни вместе с детством»⁴⁵; возможно, особая любовь к этому маленькому народу, хорошее знание психики и психологии детского возраста. Имел значение и многолетний опыт и, можно смело сказать, его талант педагога.

Начав систематические исследования в этой области практически на пустом месте, когда не была еще поставлена и обоснована проблема, ученый к 1930 г. выпустил книгу «Русский детский фольклор», представляющую собой «капитальное исследование детских игровых прелюдий», которую специалисты охарактеризовали как «лучшее исследование в области детского фольклора вообще»⁴⁶. Ученый не только собрал, свел воедино и опубликовал свыше 500 считалок (с вариантами), но и применил к их анализу научную классификацию, собственно, им самим и разработанную. В основном предложенная Г. С. Виноградовым терминология и классификация вошли в употребление у фольклористов⁴⁷.

Замыслом Г. С. Виноградова было сделать обобщающий свод устной детской поэзии в трех томах. При жизни автора вышел первый том. Два других должны были составить: второй том — все остальные жанры детского фольклора; третий том — классификацию детского художественного творчества, историю его собирания, исследования; теоретическое и прикладное значение его изучения⁴⁸. В 1978 г. в сборнике «Из истории русской фольклористики» была опубликована прежде неизвестная и найденная в одном из ленинградских архивов рукопись Г. С. Виноградова, по содержанию и тематике подходящая к содержанию планировавшегося третьего тома. Эта находка, безусловно, была большой удачей, так как весь личный архив ученого погиб во время войны в Павловске⁴⁹.

Г. С. Виноградов работал в этой области как пионер, на уровне мировой этнографической науки. К сожалению, на многие годы этнография детства ушла из поля зрения ученых. Лишь с 1950—60-х гг. тема детства становится актуальной и даже модной в зарубежных этнографических и фольклорных исследованиях (серьезные работы финских и американских исследователей по детскому фольклору)⁵⁰, а с 1970—80-х гг. и в нашей стране. Эти исследования успешно идут и в настоящее время⁵¹. Однако изучение детского мира по-прежнему таит в себе множество трудностей. Несмотря на усовершенствование методик записей текстов, новые аудиовизуальные приспособления и т. п., все современные исследователи детского творчества признают большие трудности как объективного, так и субъективного плана, поджидающие их при сборе материала. Г. С. Виноградов считал, что главная методологическая трудность «заключается в необходимости уразумения творчества через посредство сопереживания»⁵².

Рассматривая мир детства в целом, Г. С. Виноградов выделил как наиболее общее понятие — детскую этнографию, куда включил и детский фольклор: «Детство — его мир и быт — имеет свои особенности, в силу которых должен быть выделен для изучения ряд специальных вопросов, объединяемых в термине „детская этнография“, в область которой входит существенным звеном и детский фольклор»⁵³.

Американский этнограф М. Гудмэн предложила термин «культура детства», который условно делится на три подсистемы: детская игра; детский фольклор и художественное творчество; общение, коммуникация⁵⁴. О том, что разделить мир детства можно лишь условно, Г. С. Виноградов говорил уже полвека назад: «...необходимо знать общие условия детской жизни, которые есть живое единство. Без грубого нарушения этого единства невозможно оторвать песню от игры, игру от норм неписаного (обычного) права... Нужно целостное изучение детского быта»⁵⁵. Г. С. Виноградовым был также определен объем и содержание понятия «детская этнография»: песни, фольклор, музыкальное творчество; загадки, сказки — поэтика; этические воззрения; нормы обычного права; общественная жизнь и правовая быт; знания окружающего мира; детское искусство; детская мифология⁵⁶.

Замечательно было то, что ученый рассматривал мир детства как автономный, во многом независимый от взрослых, со своим языком, фольклором, правилами и нормами. Этот подход позволил ему составить свой взгляд на мир детства как бы изнутри него. Именно поэтому стало возможным появление такой работы, как «Детские тайные языки» (1926 г.). Сегодня ей трудно найти аналог.

Г. С. Виноградов считал, что детский фольклор должен быть ограничен словесными произведениями, возникшими непосредственно в детской среде, и автором которого являются дети. Его оппонентом выступила известная исследовательница детского фольклора О. И. Капица. Фольклор для детей, по мнению Г. С. Виноградова, следовало выделить и рассматривать особо. С этим положением сегодня соглашаются исследователи⁵⁷.

В одном из первых отзывов на работу Г. С. Виноградова «Детский народный календарь» Н. М. Элиаш писала: «В этих очерках чувствуется не только этнограф; они отмечены удивительной любовью и пониманием детской жизни; перед нами вдумчивый серьезный знаток детской психики, что позволяет причислить его статьи к числу образцовых исследований... особенно рекомендовать их не только специалистам-этнографам, но и тем, кто непосредственно руководит воспитанием детских масс, — учителям, воспитателям, работникам дошкольных учреждений...»⁵⁸.

Занимаясь детской тематикой, невозможно было не обратить внимание на то, что мир детства лишь до известной степени автономен и независим: ребенок живет в семье, в обществе; влияние взрослых разнообразно, более того — оно необходимо. Так ученый пришел к необходимости разработки вопросов взаимоотношения детей и взрослых.

Г. С. Виноградов пришел к выводу, что у народа всегда были определенные представления, взгляды на жизнь, на воспитание, обучение, пути и средства воздействия на детей. В совокупности все это и можно назвать народной педагогикой⁵⁹. Г. С. Виноградов одним из первых попытался определить это понятие, выявить его содержание, источники, методы. Он поставил вопрос о процессе введения поколения детей в жизнь взрослых, передачи накопленных знаний, опыта, традиций и т. д., т. е. фактически работал над вопросами социализации. Однако ученый рассматривал и влияние детей на мир взрослых (в основном в отношении языка, фольклора). На все эти проблемы Г. С. Виноградов имел свежий, оригинальный взгляд. Выводы, которые он делал, часто выходили за рамки научных обобщений и приобретали практическое звучание и значение.

Так, например, анализ произведений детского фольклора и наряду с этим фольклорных произведений в содержании школьных учебников привел ученого к важному выводу о несоответствии официальных, учебных программ реальным интересам, запросам и понятиям детей. Детям нужен фольклор не взрослых, который они еще не в состоянии понять в полной мере, а свой, детский. Кроме того, Г. С. Виноградов один из первых выдвинул идею самостоятельных фольклорно-этнографических изучений и наблюдений учащихся как средства лучшего усвоения материала⁶⁰.

Большинство работ Георгия Семеновича Виноградова выходили в Иркутске в этнографическом сборнике «Сибирская живая старина» (1923—29), который фактически был первым послереволюционным журналом по этнографии, издаваемым в стране. Выпуск сборника был организован М. К. Азадовским, Г. С. Виноградовым и В. М. Муратовым; редакторами были М. К. Азадовский и Г. С. Виноградов. Издание осуществлялось в основном на средства от «объявлений» и на личные средства авторов статей. Сборники сыграли выдающуюся роль в подъеме интереса к этнографии прежде всего русского населения Сибири, а также в целом к этнографии народов Сибири. Целью сборника было объединение всех сибирских этнографов. Первое место отводилось работам по изучению современной этнографии, а также общим вопросам науки⁶¹. На его страницах печатались работы не только признанных ученых, но и начинающих студентов. Благодаря высокому качеству статей «Сибирская живая старина» приобрела широкую известность.

Работы Георгия Семеновича Виноградова не спутаешь с другими. На их примере ясно видно, как форма изложения научного материала связана с его содержанием. Труды по фольклористике, этнографии, литературоведению, языкознанию?.. — затрудняешься сначала ответить на этот вопрос. К его творчеству в равной степени обращаются представители всех этих наук. Факты, размышления, выводы облачены в «прозрачную словесную ткань», написанные труды читаются как высокохудожественные произведения. «Георгий Семенович Виноградов превосходно знает русский литературный язык и безукоризненно владеет русской литературной речью в ее чистом и строгом стиле», — отмечал чл.-кор. АН СССР В. И. Чернышев⁶². Сам ученый подолгу работал над совершенством формы, не торопясь преподнести содержание, совершенно правильно полагая, что эти две вещи неразрывно связаны друг с другом: «Написано у меня и обдумано немало, но написанное нуждается в приложении к нему ласкового внимания, тогда оно изменится до неузнаваемости»⁶³.

В 1930 г. Г. С. Виноградову пришлось покинуть Иркутский университет из-за его закрытия и переехать в Ленинград, куда раньше уже переехал М. К. Азадовский.

Это было время, когда борьба за марксизм охватила все науки, в том числе и этнографию⁶⁴. Наблюдавшаяся ранее подспудная тенденция политизации науки переросла в целенаправленную, когда появилось новое поколение ученых, рассматривавших марксистский метод в познании как единственно возможный и правильный «с враждебным неприятием альтернативных подходов»⁶⁵. «Теоретические бои» происходили и в университетах. В этих условиях Иркутский университет был закрыт, и перестали существовать кафедры этнографического направления, подобно тому, как это случилось с этнологическим факультетом I МГУ, «...с его плюралистическими теоретическими установками и преподавательским составом, включавшим „буржуазных“ профессоров»⁶⁶. Так бывшее характерным для начала-середины 1920-х гг. многообразие методологических подходов в этнографии было сведено к единому знаменателю: марксистский метод в этнографии рассматривался как единственно возможный, этнография была признана вспомогательной дисциплиной, а термин этнология вообще был снят, дабы не было претензий на существование отдельной от истории науки.

В Ленинграде Г. С. Виноградов надеялся «осесть», продолжив работу над любимыми темами в этом «многокнижном» городе. Переезд был тяжелым. Накануне его Г. С. Виноградов писал М. К. Азадовскому: «Живется нынче как-то отменно трудно...погибло мое сердце... плохо хожу, не сплю...»⁶⁷.

В Ленинграде ученый работал в различных научно-исследовательских институтах Академии наук; в начале 1940-х годов его приглашали на работу в Институт этнографии. Работая в Пушкинском доме, Г. С. Виноградов изучал архивы А. Н. Веселовского и А. Н. Афанасьева, публиковал неизданные работы ученых со своими комментариями. Участвовал он и в работе над трехтомным собранием сказок Афанасьева, в составлении Словаря современного русского литературного языка и считался «чрезвычайно ценным сотрудником», по отзыву редактора второго тома, чл.-кор. АН СССР В. И. Чернышева⁶⁸.

Г. С. Виноградов обращается к собственно фольклорной проблематике, к анализу творчества русских писателей — Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова, П. И. Мельникова-Печерского, Н. Г. Чернышевского. Он анализировал фольклорные источники некоторых из их работ, а также занимался историей науки.

По-прежнему, однако, делом всей жизни Г. С. Виноградов считал написание работы «Судьбы славянского племени в Сибири» («„Судьбы“ отнимают у меня теперь дневные часы, занимают ночные мечты...»⁶⁹). В осуществлении этого замысла Г. С. Виноградову помогал «ученый старец», чл.-кор. АН СССР П. К. Симони. Работа, которая была задумана в четырех томах, не была закончена и в таком виде погибла в 1942 г.: «...ни в Ленинграде, ни в Павловске у меня не сохранилось ничего... Все книги, все бумажонки с записями, все

материалы, все работы — все, что делалось 29 лет, все погибло. Что это значит, Вы прекрасно понимаете», — писал он М. К. Азадовскому⁷⁰.

Война застала Г. С. Виноградова в блокадном Ленинграде. Несмотря на плохое здоровье, он участвовал в охране институтского здания. несмотря на тяжелейший удар — гибель всех его работ, архива, — он находил силы поддерживать в окружающих присутствие духа. «За ту ужасную зиму 42 г. в Ленинграде я начал как-то Вам очень симпатизировать... и сейчас хотелось бы узнать что-нибудь о Вас»⁷¹, — писал Г. С. Виноградову в Углич, куда тот наконец был эвакуирован в тяжелом состоянии, Дмитрий Сергеевич Лихачев. В Угличе, как и позже в Алма-Ате, куда был эвакуирован Институт литературы АН СССР, Г. С. Виноградов не прекращает работу: «... дурные навыки не изжиты... Сiju в библиотеке, сiju в Институте, читаю, когда есть бумага, то и пишу...»⁷².

Скончался и похоронен Г. С. Виноградов в Ленинграде в апреле 1945 г. Значителен вклад ученого в этнографию и фольклористику, в изучение судеб русского народа в Сибири. Не менее значительной представляется и этическая, нравственная сторона научных исследований. Скромность большого ученого, бескорыстное стремление поделиться своими глубокими знаниями, подсказать, посоветовать; неприятие зависти, научного апломба, мести, которые особенно уродливы бывают в науке, — все это отличало Г. С. Виноградова.

«Встречи с ним, — вспоминал писатель, искусствовед, религиозный мыслитель С. Н. Дурылин, — всегда раскрывали что-то светлое и новое в том человеке, с которым он встречался, и он первый радовался тому, что в тяжелой руде человеческого бытования и бывания находил чистое золото человеческого бытия, — будет ли это бытие ребенка или целого народа»⁷³.

Примечания

¹ Архив Иркутского государственного объединенного музея (ИГОМ). Ф. 13 279. Ед. хр. 96-ж.

² Сизых Д. Педагог-фольклорист//Сиб. огни, 1963. № 4. С. 170—174.

³ Кудрявцев В., Трушкин В. Г. С. Виноградов//Литературная Сибирь. Критико-биобиблиографический словарь писателей Восточной Сибири. Т. 1. Иркутск, 1986. С. 220.

⁴ Новшкая М. Ю., Слепцова И. С. Чтения памяти Г. С. Виноградова//Сов. этнография (далее — СЭ). 1991. № 1. С. 137—139.

⁵ Крашенинников С. П. Описание земли Камчатки. М.; Л., 1948. (Предисловие Ф. Ф. Миллера). С. 22.

⁶ Архив ИГОМ. Ф. 13. 279. Ед. хр. 101-в.

⁷ Виноградов Г. С. Песни отживающего поколения//Сиб. архив. 1914. № 7—8.

⁸ Кудрявцев В., Трушкин В. Указ. раб. С. 221.

⁹ Бердяев Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века// О России и русской философской культуре (философы послеоктябрьского зарубежья). М., 1990. С. 239.

¹⁰ Токарев С. А. История русской этнографии (до 1917 г.). М., 1966. С. 234, 242.

¹¹ Виноградов Г. С. Этнографические изучения Восточно-Сибирского отделения РГО: краткий обзор//Изв. ВСОРГО. 1926. Т. I. С. 26.

¹² Там же. С. 26.

¹³ Там же. С. 11.

¹⁴ Азадовский М. К. Место и роль фольклора в организации краеведческих изучений//Тр. I Сиб. краевед. научн.-исслед. съезда. Новосибирск. 1928. Т. V. С. 67.

¹⁵ Мельников М. Н. Региональное своеобразие фольклора сибиряков//Русский фольклор (Полевые исследования). Вып. XXII. Л., 1984. С. 68—76.

¹⁶ Виноградов Г. С. Народная педагогика//Сиб. живая старина. 1926. Вып. V. С. 7.

¹⁷ Виноградов Г. С. К изучению народной медицины у русского населения Сибири. Инструкция и программа. Иркутск, 1923. С. 4.

¹⁸ Астахова А. М. Георгий Семенович Виноградов (к 80-летию со дня рождения)//Русская литература, 1966. № 3. С. 196.

¹⁹ Сизых Д. Труженик науки//Сибирь. 1971. № 5.

²⁰ Там же.

²¹ Азадовский М. К. Пути этнографических изучений Восточно-Сибирского Отдела РГО. Издание ВСОРГО. Иркутск, 1923.

²² Мельников М. Н. Региональное своеобразие фольклора...

²³ Бюллетень Восточно-Сибирского Отдела РГО. Иркутск, 1925. № 6. С. 66.

²⁴ Этнологическая секция в 1924 г.//Оттиск из сборника «Сибирская живая старина». Иркутск, 1925. Вып. III—IV. С. 6—7.

- ²⁵ Азадовский М. К. Пути этнографических изучений... С. 30.
- ²⁶ Сизых Д. Педагог-фольклорист... С. 170—174.
- ²⁷ Архив ИГОМ. Ф. 13279. Ед. хр. 98. Л. 3.
- ²⁸ Виноградов Г. С. Этнография в курсе школьного краеведения. И., 1925. С. 4.
- ²⁹ Виноградов Г. С. Этнография и современность//Сибирская живая старина. Иркутск, 1923. Вып. I. С. 3.
- ³⁰ Государственный архив Иркутской области. Ф. 565 (ВСОРГО). Оп. I. Ед. хр. 13. Л. 59.
- ³¹ Виноградов Г. С. Этнография и современность...
- ³² Там же С. 17.
- ³³ Сизых Д. Труженик науки...
- ³⁴ Виноградов Г. С. Пути этнографических изучений...
- ³⁵ Виноградов Г. С. К изучению народной медицины... С. 12.
- ³⁶ Там же.
- ³⁷ Там же.
- ³⁸ Виноградов Г. С. Детский народный календарь//Сибирская живая старина. Иркутск, 1924. Вып. II. С. 65.
- ³⁹ Виноградов Г. С. Детский народный календарь...
- ⁴⁰ Ильин И. А. Философия и жизнь//На переломе. Философские дискуссии 20-ых годов: философия и мировоззрение. М., 1990. С. 58.
- ⁴¹ Виноградов Г. С. Смерть и загробная жизнь в воззрениях русского старожилого населения Восточной Сибири//Труды профессоров и преподавателей ИГУ. Иркутск, 1923. Вып. V. С. 262.
- ⁴² Виноградов Г. С. Смерть и загробная жизнь... С. 271.
- ⁴³ Там же. С. 263.
- ⁴⁴ Виноградов Г. С. Детский фольклор//Из истории русской фольклористики. Л., 1978. С. 158—188; *его же*. Детский народный календарь (из очерков по детской этнографии)//Сибирская живая старина. Иркутск, 1924. Вып. II. С. 55—97; *его же*. Детские игровые прелюдии//Сибирская живая старина. Иркутск, 1928. Вып. VII. С. 47—89; Кон И. С. Ребенок и общество (историко-этнографическая перспектива). М., 1988; *его же*. Этнопедагогика//Сауд этнографических понятий и терминов. Этнография и смежные дисциплины. М., 1988. С. 110—111.
- ⁴⁵ Виноградов Г. С. Детские игровые прелюдии...
- ⁴⁶ Мельников М. Н. Русский детский фольклор. Нск., 1970. С. 182.
- ⁴⁷ Мельников М. Н. Указ. раб. С. 19.
- ⁴⁸ Виноградов Г. С. Детский фольклор//Из истории русской фольклористики. Л., 1978.
- ⁴⁹ Сизых Д. Труженик науки...
- ⁵⁰ Кон И. С. Ребенок и общество... С. 60—62.
- ⁵¹ Традиционное воспитание детей у народов Сибири. Л., 1988; Этнография детства. Традиционные формы воспитания детей и подростков у народов Восточной и Юго-Восточной Азии. М., 1983; Этнография детства. Традиционные формы воспитания у народов Передней и Южной Азии. М., 1983; Кон И. С. Этнография детства (проблемы методологии)//Советская этнография, 1981. № 5. С. 3—13, и др.
- ⁵² Виноградов Г. С. Детские игровые прелюдии... С. 48.
- ⁵³ Виноградов Г. С. Детский фольклор... С. 169.
- ⁵⁴ Кон И. С. Ребенок и общество... С. 62.
- ⁵⁵ Виноградов Г. С. Детский фольклор... С. 168.
- ⁵⁶ Виноградов Г. С. Детский народный календарь... С. 62.
- ⁵⁷ Осорина М. В. Современный детский фольклор как предмет междисциплинарных исследований//Советская этнография, 1983. № 3. С. 34—45.
- ⁵⁸ Элиаш Н. М. Изучение сибирского фольклора за последние годы (1921—1925)//Северная Азия, 1925. № 5—6. С. 96.
- ⁵⁹ Виноградов Г. С. Народная педагогика... С. 7.
- ⁶⁰ Мельников М. Н. Русский детский фольклор... С. 216; Виноградов Г. С. Детский фольклор в школьном курсе словесности//Русский язык в школе. 1927. № 2. С. 52—66.
- ⁶¹ Сибирская живая старина. Иркутск, 1923. Вып. I.
- ⁶² Архив ИГОМ. Ф. 13279. Ед. хр. 96-ж.
- ⁶³ Письма Г. С. Виноградова и М. В. Красноженовой — к М. К. Азадовскому//Сибирские огни. 1968. № 12. С. 149.
- ⁶⁴ Токарев С. А. Ранние этапы развития советской этнографической науки (1917 г.— сер. 1930-х годов)//Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Л., 1971. Вып. 5. С. 111—120.
- ⁶⁵ Соловей Т. Д. Эволюция понимания предмета этнографии в советской этнографической литературе. 1917—32 гг.//Вестник Московского Ун-та. Сер. 8, История. 1990. № 5. С. 53.
- ⁶⁶ Марков Г. Е., Соловей Т. Д. Этнографическое образование в Московском государственном университете (к 50-летию кафедры этнографии исторического факультета МГУ)//Советская этнография, 1990. № 6. С. 79.
- ⁶⁷ Письма Г. С. Виноградова М. К. Азадовскому//Литературное наследство Сибири. Нск., 1969. Т. I. С. 201.
- ⁶⁸ Архив ИГОМ. Ф. 13279. Ед. хр. 96-ж.
- ⁶⁹ Сизых Д. Педагог-фольклорист//Сибирские огни, 1963. № 4. С. 174.
- ⁷⁰ Письма Г. С. Виноградова М. К. Азадовскому... С. 206.
- ⁷¹ Архив ИГОМ. Ф. 13279. Ед. хр. 4. Л. 4.
- ⁷² Письма Г. С. Виноградова М. К. Азадовскому... С. 206.
- ⁷³ Архив ИГОМ. Ф. 13279. Ед. хр. 97.

СПИСОК ОСНОВНЫХ РАБОТ Г. С. ВИНОГРАДОВА

- Народная медицина//Народный журн. 1913. № 38, 39.
 Песни отживающего поколения//Сиб. архив. 1914. № 7—8.
 Самоврачевание и скотолечение у русского старожилго населения Сибири: Восточная Сибирь, Тулуновская волость//Живая старина. 1915. Вып. IV.
 Материалы для народного календаря русского старожилго населения Сибири: Восточная Сибирь, Тулуновская волость//Зап. Тулунского отд. Об-ва изучения Сибири. Иркутск, 1918. Кн. 1.
 К изучению народных детских игр у бурят. Иркутск, 1922.
 Смерть и загробная жизнь в воззрениях русского старожилго населения Сибири//Тр. профессоров и преподавателей Иркут. гос. ун-та. 1923. V.
 Тюремная песня//Этнографический бюллетень Восточно-Сибирского отд. РГО. Иркутск, 1923. № 3 (в соавт. с В. Н. Флоренским).
 Этнография и современность//Сиб. живая старина (далее — СЖС). Иркутск, 1923. Вып. I.
 Детский народный календарь//СЖС. 1924. Вып. II.
 Из экскурсий по Тулуному уезду (заметки для археологов)//Этнографический бюллетень ВСОРГО. 1923. № 3.
 К изучению народной медицины у русского населения Сибири. Инструкция и программа. Иркутск, 1923.
 О собирании материалов для словаря русского старожилго населения Сибири. Опыт программы. Иркутск, 1924. (в соавт. с П. Черных).
 Русские говоры центральной части Тулунского уезда Иркутской губернии. Иркутск, 1924. (в соавт. с П. Черных).
 Об изучении народного ораторского искусства. Программная заметка//СЖС. 1925. Вып. III—IV.
 Новая программа по музыкальной этнографии//СЖС. 1925. Вып. III, IV.
 Детская сатирическая лирика//СЖС. 1925. Вып. III—IV.
 Детский фольклор и быт. Программа наблюдений. Иркутск, 1925.
 Этнография в курсе школьного краеведения. Иркутск, 1925.
 Детские тайные языки//СЖС. 1926. Вып. II(VI).
 Замечания о говорах Тункинского края//Бурятведческий сборник. Иркутск, 1926. Вып. II.
 Из записей фольклориста: Музыканты в Тункинском крае//СЖС. 1926. Вып. I (V).
 Народная педагогика//СЖС. 1926. Вып. I(V).
 Этнографические изучения ВСОРГО: краткий обзор//Изв. ВСОРГО. Иркутск, 1926. Т. L.
 Детский фольклор в школьном курсе словесности//Рус. яз. в шк. 1927. № 2.
 Шулюканы: заметка о культурном взаимодействии русских и якутов//Очерки по изучению Якутского края. Иркутск, 1927. Вып. 1.
 Русские игровые прелюдии//СЖС. 1928. Вып. VII. С. 47—88; Вып. VIII—IX. С. 119—174.
 Из наблюдений над детским потешным фольклором «Сечки»//Детский быт и фольклор. Л., 1930.
 Дитяча казка//Бюллетень этнографични комиссии Всеукраинской Академии наук. Киев, 1930. Вып. 14.
 Краткий обзор деятельности Тулуновского отдела Общества изучения Сибири и улучшения ее быта за пятилетие 1913—1918 гг. Иркутск, 1930.
 Русский детский фольклор. Кн. 1. Иркутск, 1930.
 Календарь народный//Сиб. сов. энциклопедия. 1931. Т. 2.
 Полвека ученой деятельности П. К. Симони//Язык и мышление. Л., 1933. Вып. III—IV.
 Медведь в воззрениях русского старожилго населения Сибири//Сов. этнография. 1936. № 3 (в соавт. с А. М. Поповой).
 Опыт выявления фольклорных источников романа Мельникова-Печерского «В лесах»//Сов. фольклор. 1936. № 2—3.
 Русские плачи (причитания). Л., 1937. Вступит. статья Г. С. Виноградова и Н. П. Андреева.
 Редакция текстов и примечания Г. С. Виноградова.
 А. Н. Веселовский. Из Новгородской глуши (неизданная рукопись). Предисловие и публикация Г. С. Виноградова//Сов. этнография. 1939. № 2.
 Комментарии к «Вечеру накануне Ивана Купала»//Н. В. Гоголь. Полн. собр. соч. М.—Л., 1940. Т. I.
 Карельская причетъ в новых записях//Русские плачи Карелии. Петрозаводск, 1940.
 Этнографические источники первой повести Н. В. Гоголя//Сов. этнография. 1940. Сб. 4.
 Этнография в кругу научных интересов Н. Г. Чернышевского//Сов. этнография. 1940. Сб. 3.
 Плачи и сказы//Фольклор Карело-Финской ССР. Петрозаводск, 1941. Вып. 1 (в соавт. с А. Н. Лозановой).
 О. И. Капица (некролог)//Сов. фольклор. 1941. № 7.
 Произведения М. Ю. Лермонтова в народно-поэтическом обиходе//Литературное наследство. 1941. Вып. 43—44.
 Из архива А. Н. Веселовского. Заметки//Сов. фольклор. 1941. № 7.
 Детский фольклор//Из истории русской фольклористики. Л., 1978.

Outstanding Specialist in Ethnology and Folklore G. S. Vinogradov

The article is devoted to outstanding scientist of the early 20th century Georgi Syemenovich Vinogradov — a student of ethnography, dialectology, folklore and Russian peasant everyday life. The old-living Russian population of Siberia was a general theme of his studies. He streemd to a complex investigation of peasant life, so his scientific interests were large-scale: folk calendar, folk medicine, phylosophy and pedagogics, ethnology of childhood, folklore, living peasant speaking and the history of science. The scientific heritage of Vinogradov consists of 70 papers.

A. A. Sirina